

Лян Мэнцзе

Мурманский арктический государственный университет

г. Мурманск, Российская Федерация

mentsze2018@gmail.com

Семиотический подход к исследованию русских примет (на материале примет о птицах)

Аннотация

Статья посвящена исследованию русских примет с ключевыми словами – видовыми названиями птиц (*курица, ворона, ласточка, кукушка, петух*), а также с родовым названием *птица*. Утверждается, что если принять за основу идею знаковой природы примет, то можно считать доказанным, что их культурные коды реализуются в определённых бинарных семантических оппозициях: для погодных примет это оппозиции «локус – погода», «пространство – погода», «время – погода», «действие – погода», «образ действия – погода» и «количество – погода», а для суеверных примет – «локус – судьба», «пространство – судьба», «время – судьба», «действие – судьба», «образ действия – судьба» и «количество – судьба». Цель работы – проанализировать русские приметы о птицах с семиотической точки зрения. Применение семиотического подхода даёт новый ракурс анализу содержательной структуры русских примет и оценке его роли в процессе расшифровки культурного кода. В ходе исследования использованы: метод бинарных оппозиций, метод классификации, количественный метод и этнокультурологический анализ. Установлено, что для погодных примет с ключевыми словами – названиями птиц отмечено явное доминирование оппозиций «локус – погода» и «время – погода». Для суеверных примет с ключевыми словами – названиями птиц символическим считается и место действия (локус), и само действие и способ его осуществления, и количественный фактор, представляя дохристианское, мифологическое сознание. Для погодных и суеверных примет с ключевым словом – родовым названием *птица* характерно доминирование оппозиции «локус – погода / судьба». Показано, что оппозитивный анализ примет орнитологического кода позволяет выдвинуть некоторые предположения о специфике воззрения народа на разные стороны его хозяйственной жизни, быта и деятельности.

Ключевые слова: приметы, орнитологический код культуры, метод бинарных оппозиций

© Лян М. 2022

Для цитирования: Лян М. Семиотический подход к исследованию русских примет (на материале примет о птицах) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 95–112. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_95

Liang Mengjie

Murmansk Arctic State University

Murmansk, Russian Federation

mentsze2018@gmail.com

Semiotic approach to studying omens in the Russian culture (Based on the omens related to birds)

Abstract

The article studies omens in the Russian culture by investigating their key words that denote species of birds (*chicken, crow, swallow, cuckoo, rooster*), as well as *bird* as a category name. It is argued that if we consider the symbolic nature of omens then we can prove that their cultural codes are realized in certain binary semantic oppositions. Thus, for weather omens, these oppositions are “locus – weather”, “space – weather”, “time –

weather”, “action – weather”, “image actions – weather”, “quantity – weather”, and for superstitious omens, they are “locus – fate”, “space – fate”, “time – fate”, “action – fate”, “mode of action – fate” and “quantity – fate”. This study aims to analyze Russian omens related to birds from the semiotic viewpoint. Applying the semiotic approach that contributes into cultural code deciphering gives a new angle to Russian omens analysis. During the study, the following methods were used: the method of binary oppositions, the method of classification, the quantitative method and ethnocultural analysis. It has been found that for the omens related to bird species, there is a clear prevalence of the oppositions “locus – weather” and “time – weather”. For the superstitious omens related to bird species, the place of action (locus), the action itself, the method of its implementation, the quantitative factor, representing the pre-Christian, mythological consciousness – all of them are considered symbolic. For the omens related to *bird* as a category name, the opposition “locus – weather / fate” prevails. It is shown that the oppositional analysis of the ornithological code features enables to put forward certain assumptions about the people's views on different aspects of their economic activities and lifestyle.

Keywords: omens, ornithological culture code, method of binary oppositions

© Liang M. 2022

For citation: Liang, M. (2022). Semioticheskiy podkhod k issledovaniyu russkikh primet (na materiale primet o ptitsakh) [Semiotic approach to studying omens in the Russian culture (Based on the omens related to birds)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 95–112. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_95

1. Введение [Introduction]

Актуальность работы обусловлена стремлением учёных исследовать языковую, в том числе паремиологическую, картину мира, тесно связанную с традициями народа и компетенцией носителя языка. Ценность примет заключается, по мнению А. Н. Афанасьева, в том, что в них содержится драгоценный материал для науки, обнаруживающий глубокие основания метафорических сближений, на которых и держится толкование примет, и отражает склонность народного ума во всем находить аналогию [Афанасьев, 1988, с. 69–70].

Примета как часть паремиологического фонда языка – многоаспектный объект исследования. Её изучение охватывает структурно-семантические, структурно-логические, функциональные, прагматические и лингвокультурные характеристики этого малого жанра. В рамках структурно-семантического направления проводится анализ синтаксической структуры и содержания примет (см., напр., [Иванова, 2005 ; Фаттахова, 2002 ; Тонкова, 2007]), в рамках функционального направления представлен их функциональный аспект [Вагнер, 2008], в рамках структурно-логического подхода исследуются сходства и различия логико-синтаксических структур примет [Фидарова, 2001], в работах анализируются также их прагматические и лингвокультурные характеристики [Садова, 2004 ; Харченко, Тонкова, 2008].

1.1. Орнитологический код культуры [Ornithological culture code]

Код культуры определяется как формирующая определённый фрагмент картины мира совокупность ментефактов, связанных с наделёнными культурными смыслами [Красных, 2016, с. 379]. Культурные коды являются непременным атрибутом всех семиотических систем. Именно они помогают перевести глубинные смыслы культуры на уровень выражения [Страусов и др., 2020, с. 41]. Среди базовых (наиболее значимых) кодов выделяется зооморфный (зоологический, биоморфный) код, в состав которого входит код, связанный с птицами, – орнитологический. Учёные отмечают, что зооморфный код культуры способствует выявлению её универсальных и национально-специфи-

ческих особенностей [Быкова, 2005 ; Гукетлова, 2009 ; Гура, 1997, с. 22 ; Гуревич, Изотова, 2018]). Опираясь на идеи В. Н. Телия, под орнитологическим кодом вслед за С. Хо в данном исследовании понимается совокупность названий птиц, обладающих добавочными культурно значимыми смыслами [Хо, 2021, с. 133–134].

Каждый фольклорный жанр, по мнению А. В. Гура, имеет специфику и различную ценность в плане реконструкции мифологических представлений. Наиболее непосредственно они отражаются в таких элементах духовной культуры, как поверья и приметы [Гура, 1997, с. 23]. Под культурным кодом примет понимается вербализованные объекты реальной действительности или действия, наделённые сакральным содержанием и имеющие высокую значимость для организации жизнедеятельности этноса [Страусов и др., 2020, с. 39].

По А. В. Гура, в традиционной культуре образы животных (включая птиц) служат одним из средств выражения представлений о мире в различных его проявлениях [Гура, 1997, с. 22]. Орнитонимы (названия птиц) занимают особое место и являются воплощением национально-культурных особенностей мышления, концептуально важной и эмоционально нагруженной частью языковой картины мира [Кутьева, 2009, с. 3–4]. Кроме того, орнитонимы являются лексической группой, которая испытала влияние мифологической, религиозной, а также обрядовой символики.

Птицы особенно тесно соприкасаются с календарным циклом, которому подчинена вся хозяйственная деятельность человека. Некоторые птицы, кроме того, являются вещами (кукушка, ворон) [Гура, 1997, с. 528–532]. Эти факторы объясняют наличие большого количества погодных и суеверных примет орнитологического кода.

1.2. Основания семиотического подхода к исследованию примет [The foundations of the semiotic approach to the study of signs]

Семиотический подход к исследованию примет основан на положении о том, что примета – это знак. Идея знаковой природы примет представлена во многих исследованиях [Христофорова, 1998 а ; Ваганова, 2013; Евстафьева, Цветкова, 2019 ; Страусов и др., 2020 и др.].

Знаковая теория предполагает выделение единиц и отношений между ними в структуре объекта. Поэтому важно определить, знаками чего являются исследуемые объекты, и выявить структуру этих знаков через соотношение оппозиций разных уровней. В. Н. Телия считает, что знаковую специфику можно определить, если выявить, какие особенности характерны для соотнесения «тела» знака со «значением» знака, а это предполагает, что специфика идиомы как знака должна соответствовать специфике того, что им обозначается, т. е. таким элементам действительности, которые «охватываются» только идиомами [Телия, 1996, с. 132].

По мнению Л. Г. Пермякова, паремии, к которым относятся приметы, – это знаки ситуаций или отношений между вещами в отличие от фразеологических оборотов, которые являются знаками вещей или понятий [Пермяков, 1975, с. 252 ; Пермяков, 1988, с. 21].

В работе В. Н. Страусова и соавторов отмечено, что примета – это сложный знак, состоящий из двух частей: означающего (событийная часть) и означаемого (прогноз), отношения между которыми определяют структурно-семиотические модели примет [Страусов и др., 2020, с. 20–31]. В означающих и означаемых примет используются коды, имеющие высокую степень культурной значимости. А эти коды реализуются в определённых бинарных семантических оппозициях [Страусов и др., 2018, с. 20–31].

Оппозиционная структура характерна, как известно, для древнего мировоззрения. Т. В. Цивьян отмечает, что самый простой и удобный способ описания архетипической модели мира является система бинарных оппозиций, и выделяет 10–20 пар

противопоставленных друг другу признаков, связанных со структурой пространства (оппозиции «верх – низ», «небо – земля», «земля – подземное царство», «правый – левый», «север – юг», «запад – восток» и др.), времени (оппозиции «день – ночь», «свет – мрак», «лето – зима», «весна – осень» и др.), связанных с цветом (оппозиции «белый – чёрный», «красный – чёрный» и др.), с оппозицией «природа – культура» («мокрый – сухой», «сырой – варёный» и др.), с социальными категориями (оппозиции «мужской – женский», «старший – младший», «свой – чужой», «близкий – далёкий», «внутренний – внешний» и др.). Все левые и правые части оппозиций образуют единства, отношения между которыми могут быть описаны с помощью более общих оппозиций: «счастье – несчастье»; «жизнь – смерть»; «чёт – нечет» [Цивьян, 1990, с. 5–6]. В работе В. В. Иванова и В. Н. Топорова представлены четыре группы универсальных бинарных оппозиций: общие, нелокализованные характеристики («счастье – несчастье»; «жизнь – смерть»; «чёт – нечет»); характеристики, приуроченные к пространственным отношениям («правый – левый»; «верх – низ»; «небо – земля»; «север – юг»; «восток – запад»; «море – суша»); характеристики, приуроченные ко времени, цвету или стихии («день – ночь»; «зима – весна»; «светлый – тёмный»; «сухой – мокрый» и др.); характеристики социальных отношений в широком смысле («свой – чужой»; «мужской – женский»; «старший – младший») [Иванов, Топоров, 1965, с. 64]. А. В. Гура отмечает, что при характеристике птиц в культуре прежде всего выделяется оппозиция «чистый (святой, добрый) – нечистый (дьявольский злой)» [Гура, 1997, с. 527]. По наблюдениям А. В. Никитиной, ведущими оппозициями в представлении кукушки как вещи птицы, в том числе в приметах и поверьях, являются оппозиции «жизнь – смерть», «доля – недоля», «богатство – бедность» [Никитина, 1999, с. 4].

Ц е л ь настоящей работы – проанализировать русские приметы о птицах с семиотической точки зрения. Именно в семиотическом подходе к анализу содержательной структуры русских примет и оценке его роли в процессе расшифровки культурного кода состоит новизна данного исследования.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом исследования послужили приметы с ключевыми словами – названиями птиц, которые относятся к типу примет орнитологического кода, состав которых определяется в количестве 50 единиц. Ключевое слово понимается в настоящей работе как опорная, самая важная лексическая единица, «держущая» на себе все текстовое единство [Агапова, 2012, с. 5]. Кроме этого, в анализируемом материале мы ориентировались на субъектную доминанту, которая понимается нами как субъект производимого действия в первой части приметы (в означающем, или событийной части).

В рамках исследования было проанализировано 786 примет, представляющих орнитологический код. В данной работе представлены результаты анализа 472 примет (60,1% всех проанализированных единиц) с ключевыми словами – видовыми понятиями: *курица* (17% общего числа из них), *ворона* (9,6%), *ласточка* (7,8%), *кукушка* (7,4%), *петух* (6,9%), *ворон* (3,9%) – и родовым понятием *птица* (7,5%). Выбор этих групп примет определялся их культурной значимостью и, как следствие, популярностью в употреблении. При этом имеется в виду значимость и частотность употребления русских примет в этнокультурной общности в целом, хотя мы согласны с мнением К. Р. Вагнер о том, что частотность употребления тех или иных лексем в русских приметах с компонентом «зооним» обусловлена экстралингвистическими факторами: географическим расположением, климатом, бытом, особенностями ведения хозяйства и т. д. [Вагнер, 2008, с. 6]. Учитывая специфику материала, мы придерживаемся классификации,

предложенной А. Н. Афанасьевым, который разделил приметы на приметы, выведенные из действительных наблюдений (в современной терминологии погодные / календарные / метеорологические. – М. Л.), и приметы суеверные, в основании которых лежит не опыт, а мифическое представление [Афанасьев, 1988, с. 63–67]. В настоящей статье анализировались только приметы с ключевым словом в качестве субъекта действия (субъектной доминанты). Так, в приметах *Если, находясь весной на природе, при первых криках кукушки нажать кнопку вызова баланса, то до конца года на счёту будут водиться деньги* [БСП, 2009, с. 63]; *Если при первой кукушке брякнуть деньгами – они всегда будут водиться* [БСП, 2009, с. 63]; *Если соловья услышишь раньше кукушки, лето будет удачное* [Иванова, 2005, с. 50]; *Если кукушку услышишь раньше соловья, несчастливо проведёшь лето – прокукуешь* [БСП, 2009, с. 12] ключевое слово *кукушка* не является субъектом действия. Этим субъектом является человек, который выполняет действия *нажать, брякнуть, услышать*. По этой же причине в сферу нашего внимания не попадают и приметы о сновидениях: *Петух снится – к везению* [БСП, 2009, с. 37].

Источниками материала являются словари русского языка и сборники примет, поверий, суеверий, а также работы о русских приметах.

Основной метод исследования в настоящей работе – метод бинарных оппозиций. Кроме того, в работе использовались такие методы, как метод классификации, количественный метод и этнокультурологический анализ.

Метод бинарных семантических оппозиций представлен в некоторых работах, посвящённых приметам (см., напр., [Туганова, 2006, с. 14–17]. Авторы подобных исследований, как утверждают В. Н. Страусов и соавторы, рассматривают этот метод как частный случай образования некоторых примет. Тем самым имплицитно мыслится о возможных других способах их формирования. Но бинарные оппозиции – это системное явление, свойственное абсолютно всем приметам [Страусов и др., 2020, с. 46].

Анализ примет при семиотическом подходе в нашем исследовании построен на следующих основаниях: классификации означающего (событийная часть) и классификации отношений между означающим (событийная часть) и означаемым (прогноз).

При построении классификаций означающего следует основываться на типологии ситуаций, поскольку эти ситуации относятся к приметам как инварианты к своим вариантам. В литературе встречаются в связи с этим логико-тематическая, тематическая и прагматическая классификации.

Так, ситуации, лежащие в основе пословичных изречений, Л. Г. Пермяков распределил по логико-тематическим группам, например «Причина и следствие», «Порождающее и порождаемое», «Свое или чужое?» [Пермяков, 1988, с. 22–24]. В работе М. А. Евстафьевой и А. А. Цветковой классификация ситуаций проводится по тематическому признаку, т. е. более узкому, конкретному, чем у Л. Г. Пермякова. Учёные отмечают, что народные приметы ориентированы на узкий круг тем по сравнению со сновидениями – это «рождение», «свадьба», «похороны», «бытовая жизнь», «важные изменения в жизни», «природные явления» [Евстафьева, Цветкова, 2019, с. 58]. В работе Т. Ройтер, посвящённой суеверным приметам, события классифицируются по типу «природа – человек» и «человек – человек», хотя автор отмечает недостаточность такого разграничения и выделяет следующие типы событий: «собственно природные явления», «события в отношениях с другими людьми», «события с созданными и/или используемыми человеком предметами или веществами», «события с самим человеком / в самом человеке», комбинации из выше представленных случаев [Ройтер, 1994, с. 189].

Прагматическая классификация ситуаций может быть представлена приметами с признаками таких речевых актов, как «наказ», «совет», «инструкция», «предостережение», «запрет», «утешение», «разрешение» [Кулькова, 2011, с. 48, 52, 117–119; Садова, 2004, с. 92].

В литературе также представлены более частные классификации ситуаций, которые являются контекстом для восприятия ключевых слов примет-сновидений: «свёрнутая» информация о типовой ситуации и информация о каком-либо признаке или действии, сопряжённых с ключевым словом [Иванилов, 2006, с. 9–10].

О. Б. Христофорова рассматривает как отдельно левые и правые части примет с целью выяснить, каковы прогнозирующие ситуации и какая информация представляется носителям традиции наиболее важной, так и то, как связаны левые и правые части. Последнее представлено учёным с точки зрения семантического / смыслового соотношения: какой прогноз сделан на основе конкретной прогнозирующей ситуации [Христофорова, 1998 б, с. 62, 65, 67].

Как отмечает Т. С. Садова, примета, будучи устойчивой речевой единицей, составляет звено национальной культуры и отражает познавательные (когнитивные) усилия человека в ненаучном (наивном, эмпирическом) освоении мира [Садова, 2012, с. 79]. Поэтому важно представить арсенал когнитивных моделей, заложенных в приметах [Васильев, Васильева, 2013, с. 153]. Такие модели могут быть представлены через оппозиции.

Мы полагаем, что при характеристике отношений между означающим (событийная часть) и означаемым (прогноз) в приметах принципиальным является выделение оппозиций – как базовых, так и частных. Необходимо отметить, что инвариантный характер знаков-примет имеют не столько тематические группы, т. е. содержание ситуаций, сколько базовые оппозиции, поскольку характерной чертой примет является бинарность их структуры.

В рамках настоящего исследования представляются важными идеи В. Н. Страусова и соавторов о том, что в модели примет представлены два типа оппозиций: бинарная оппозиция «означающее – означаемое», которая является поверхностной структурой знака, и бинарные оппозиции, презентующие глубинную структуру, в которых оппозиция поверхностной структуры реализуется. Например, в означающем приметы «*Большой иней, бугры снега, глубоко промёрзлая земля – к хлебородию*» используются культурные коды *иней, снег* и *промёрзлая земля*. Коды *иней* и *снег* реализуются в оппозиции «много – мало», а код *промёрзлая земля* – в оппозиции «глубоко – не глубоко». Прилагательное *большой* культурных знаков *снег* и *иней* и прилагательное *глубокий* культурного знака *промёрзлая земля* связаны с прогнозом *плодородие* не на уровне словарных дефиниций, а на уровне ментальных структур знаний. Понятия *большой*, *глубокий* получают дополнительный семантический признак, исходящий от понятия *урожай хлеба*. И наоборот понятие *урожай хлеба* обогащается за счёт понятий *большой*, *глубокий* [Страусов и др., 2020, с. 20–31].

Анализ содержания примет представлен в научной литературе такими базовыми оппозициями, как оппозиции «верх – низ», «чистый – грязный», «молодой – старый», «светлый – тёмный», а также в рамках оценочной оппозиции «хорошо – плохо» [Евстафьева, Цветкова, 2019, с. 59–61]. Этим списком перечень базовых оппозиций, разумеется, не ограничивается. В данной статье мы рассмотрим базовые оппозиции, актуализированные в приметах орнитологического кода.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Оппозиционный анализ содержания примет о птицах [Analysis of bird-related omen oppositions]

В настоящей работе выделены базовые оппозиции, являющиеся основой содержания примет, основываясь на идее наличия категорий мышления как универсального способа логического освоения мира. Из истории философии общеизвестны 10 таких категорий, названных Аристотелем: сущность / субстанция, количество, качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие и страдание [ФЭС, 1983, с. 251].

Содержание базовых оппозиций, с нашей точки зрения, обусловлено разнообразием примет о птицах: погодные (календарные) и суеверные. Поскольку основной функцией примет признается прогностическая, то логичным будет утверждать, что второй парой оппозиции следует считать концептуальные понятия «погода» и «судьба».

Анализ нашего материала показал, что базовыми оппозициями в погодных приметах орнитологического кода являются такие оппозиции, как «локус – погода», «пространство – погода», «время – погода», «действие – погода», «образ действия – погода» и «количество – погода». Для суеверных примет выделяются следующие базовые оппозиции: «локус – судьба», «пространство – судьба», «время – судьба», «действие – судьба», «образ действия – судьба» и «количество – судьба». На значимость некоторых из этих категорий указывал в частности А. В. Гура, определяя минимальный набор смысловоразличительных признаков для выделения больших групп животных: единичность / множественность, локус и модус передвижения [Гура, 1997, с. 19].

Метод классификации языкового материала по группам в соответствии с той или иной оппозицией в нашем исследовании состоит в выделении языковых показателей (лексических и грамматических), которые мы вслед за Н. Н. Фаттаховой будем называть экспликаторами [Фаттахова, 2002, с. 73]. При наличии в тексте приметы экспликаторов разных оппозиций определяющим является сущность смысловой доминанты. Например, в примете *Осенью птицы летят высоко – к тёплой зиме* [БСП, 2009, с. 98] актуализируется оппозиция «пространство – погода», так как экспликатор – лексема *высоко* (пространственное значение) является первостепенной в определении прогноза, а лексема *осенью* (временное значение) является второстепенной, дополнительной к основному смыслу приметы.

Наличие / отсутствие базовых оппозиций в группах примет с разными ключевыми словами представлено в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Базовые оппозиции в русских приметах орнитологического кода
[T a b l e 1. **Basic oppositions in Russian omens of the ornithological code**]

Группа помет с ключевым словом	птица	курица	петух	ворона	ворон	ласточка	кукушка
Локус - погода	+	+	-	+	-	+	+
Локус-судьба	+	-	-	-	+	+	+
Пространство - погода	+	-	+	+	+	+	+
Пространство - судьба	-	-	-	-	-	-	-
Время - погода	+	+	+	+	-	+	-
Время - судьба	-	-	+	-	-	-	+
Действия - погода	+	+	+	+	+	+	+
Действия - судьба	-	-	+	-	+	-	+
Образ действия - погода	+	+	+	+	-	-	+
Образ действия - судьба	-	+	-	-	+	-	+
Количество - погода	-	+	-	+	-	-	-
Количество - судьба	-	+	-	-	+	-	+

Примечание к таблице 1 : Знаком «+» обозначено наличие оппозиции, знаком «-» – отсутствие оппозиции.

2.2.2. *Оппозитивный анализ примет с ключевым словом – родовым понятием «птица» в качестве субъектной доминанты [Analysis of bird-related omen oppositions with “bird” as a subjective dominant]*

В данной группе в основном представлены оппозиции со вторым элементом «погода»: «локус – погода» (42% общего количества примет с данным вторым элементом), «действие – погода» (17,1%), «пространство – погода» (12,5%), «образ действия – погода» и «время – погода» (по 4,85%).

В приметах данной группы значение локуса эксплицируется предложно-падежными сочетаниями соответствующего значения (*на землю, в воду, на солнечной стороне, на крыши, под крышу, на нижних ветках, по полю*): *Птицы вьют гнезда на солнечной стороне – к холодному лету* [ГМ, 2000, с. 297]; *Птицы на землю садятся – к вёдру* [ГМ, 2000, с. 298]; *Птицы садятся на крыши – к непогоде* [ГМ, 2000, с. 298]; *Птицы сидят на нижних ветках деревьев – к ветру* [БСП, 2009, с. 42]; *Если птицы входят в воду – будет дождь* [БСП, 2009, с. 71]; *Мелкая птица под крышу лезет – к дождю* [БСП, 2009, с. 75]; *Пиговка (пигалица, птичка) приседает по полю – на дождь* [БСП, 2009, с. 76]. В приметах, представляющих оппозицию «действия – погода», смысловой акцент перенесён на предикаты – глаголы «авторизирующего значения» [Кулькова, 2011, с. 150] (*приумолкнуть*), глаголы физического действия (*играть*), глаголы собственно-возвратного значения (*оципываться, хохлиться*): *Дворовая птица оципывается – к ненастью / к дождю* [Бурцев, 2010, с. 566 ; БСП, 2009, с. 69, 132]; *Домашняя птица оципывается – к ненастью* [БСП, 2009, с. 132]; *Если птицы играют – будет ветер / дождь* [БСП, 2009, с. 41, 77]; *Птицы приумолкли – жди грома* [БСП, 2009, с. 60]; *Птица хохлится – перед строгой зимой* [БСП, 2009, с. 97]. В оппозитивной группе «пространство – погода» актуализируются логические связи «вверх / вниз», которые эксплицируются за счёт употребления наречий (*низко, высоко, ниже*), а также предложно-падежных сочетаний с предлогами со значением пространственного отношения (*к, над*): *Птички, ласточки низко залетают – перед дождём* [БСП, 2009, с. 77]; *В октябре птицы летят ниже к земле – быть ранней и холодной зиме* [БСП, 2009, с. 95]; *Осенью птицы летят низко – к холодной зиме* [БСП, 2009, с. 97]; *Осенью птицы летят высоко – к тёплой зиме* [БСП, 2009, с. 98]; *Если весной перелётная птица летит низко, над землёю, то будет раннее, хорошее лето* [БСП, 2009, с. 111]; *По весне перелётные птицы стелются над землёю – к тёплому лету* [БСП, 2009, с. 111]. В группе примет оппозиции «образ действия – погода»: *Птица дружно на отлёт пошла – к холодной зиме* [БСП, 2009, с. 97]; *Перелётные птицы вдруг примолкли – к грозе* [БСП, 2009, с. 60] – актуализируется способ действия за счёт употребления наречий со значением образа действия (*дружно, вдруг*). В приметах из группы оппозиции «время – погода» временные отношения представлены словами определённой семантики – наречиями времени (*рано, долго*): *Прилётные птицы долго весной не щебечут – к холодам* [ГМ, 2000, с. 394]; *Рано полиняли звери и птицы – к суровой зиме* [БСП, 2009, с. 97].

В группе оппозиции «локус – судьба» значение места эксплицируется за счёт употребления предложно-падежных сочетаний с соответствующим значением (*на гнездо, в дом, в окно, в комнату, в поле*): *Если эта птица не вернётся по весне на старое гнездо – там будет пожар* [ГМ-СС, 1995, с. 244]; *Птица в дом влетела – к беде* [БСП, 2009, с. 15]; *Птичка бьётся в окно – к хорошим вестям* [ПЧК, 1993, с. 13]; *Птица стучит в окно – к большому горю* [БСП, 2009, с. 52]; *Залетела дикая птица в дом – к беде, несчастью, покойнику* [Заянчковский, 2021]; *Птица в дом (в комнату и т. п.) влетела – к беде* [СТРППМ, 2020, с. 474]; *Птичка, залетевшая в чистом поле прямо в руки, – к добру* [БСП, 2009, с. 67].

По частотности прогноза погоды в группе с родовым понятием птица самым популярным является прогноз на ненастье (*гроза, гром, буря, ветер, гром, непогода*)

(28,2% общего количества примет), на *дождь* (25,6%), на *тёплую* (*ведро, тёплое / хорошее лето, тёплая зима*) (25,6%) и *холодную погоду* (*холодная / суровая зима, холода*) (18%).

По частотности прогноза судьбы анализируемые суеверные приметы с ключевым словом *птица* в своём большинстве прогнозируют *счастье / добро / богатство* (40% общего количества примет), *несчастье* (*горе, беда, авария*) (40%), предсказывают *смерть* (10%), *стихийное бедствие* (*пожар*) (10%).

2.2.3. *Оппозитивный анализ погодных примет с ключевыми словами – видовыми понятиями птиц в качестве субъективной доминанты [Analysis of bird-related omen oppositions with a kind of birds as a subjective dominant]*

Во всех анализируемых группах погодных примет представлены следующие оппозиции: «локус – погода» (40% общего количества примет), «время – погода» (24,8%), «действие – погода» (22,8%), «пространство – погода» (16,1%) и «образ действия – погода» (6%). Очень ограниченно в анализируемом материале отмечена оппозиция «количество – погода» (3,5%).

В приметах, представляющих оппозицию «действия – погода», смысловой акцент перенесен на предикаты – глаголы движения (*лететь, гоняться*), глаголы «авторизирующего значения» [Кулькова, 2011, с. 150] (*кричать, петь, кудахтать, куковать*), глаголы физического действия (*махать, вертеть, трясти, ловить*), глаголы взаимно-возвратного значения (*драться*), глаголы характеризующего значения (*хохлиться*), глаголы собственно-возвратного значения (*ощипываться, охорашиваться*): *Ласточка ловит рыбежку – жди грозы* [БСП, 2009, с. 59]; *Ласточки разгонялись – перед дождем* [БСП, 2009, с. 74]; *Кукушка кукует – будет хорошая погода* [Иванова, 2005, с. 44–45]; *Вороны ощипываются – к дождю* [БСП, 2009, с. 68]; *Вороны хохлятся – к дождю* [БСП, 2009, с. 68]; *Ворона купается – к ненастью* [ГМ, 2000, с. 55]; *Ворон летит и каркает – к дождю* [ГМ, 2000, с. 55]; *Курица охорашивается – к дождю* [ГМ, 2000, с. 168]; *Курица машет крыльями и вертит хвостом – на ветер* [БСП, 2009, с. 42]; *Куры кудахчут – к ненастью* [Иванова, 2005, с. 131]; *Петух головой трясёт – к беде в доме* [БСП, 2009, с. 15; ДП, 1989, с. 383]; *Петухи меж собою дерутся – к хорошей погоде* [ГМ, 2000, с. 276]; *Петушок поёт – значит, дождь пойдёт* [Иванова, 2005, с. 51].

Приведём примеры актуализации оппозиции «локус – погода» в анализируемых группах примет: *Вороны играют на земле – к дождю* [БСП, 2009, с. 68]; *Когда вороны и лесные птицы купаются в реках и озёрах, то последует бурная погода и дождь* [Бурцев, 2010, с. 620]; *Кукушка кукует на сухом дереве – к морозу* [Бурцев, 2010, с. 578; БСП, 2009, с. 126]; *Курица летает по избе – к морозу* [Иванова, 2005, с. 131]; *Навесились ласточки на провода, дождь будет* [Васильев, Васильева, 2013, с. 155]; *Ласточки задевают крыльями поверхность воды – к дождю* [БСП, 2009, с. 74]. В приметах данной оппозитивной группы значение локуса эксплицируется за счёт употребления предложно-падежных сочетаний (*на земле, в реках и озёрах, на сухом дереве, по избе, на провода, на поверхности воды*). В отличие от оппозиции «локус – погода» в оппозитивной группе «пространство – погода» актуализируются логические связи «вверх / вниз», которые эксплицируются за счёт предлогов со значением пространственного отношения (*над, в (во), перед, через, на*): *Ласточки летают над землёй – не жди погоды сухой* [Заянчковский, 2021]; *Ворон купается во дворе – к несчастью* [БСП, 2009, с. 11]; *Ворон через двор летит – не к добру* [БСП, 2009, с. 11]; *Галки и вороны, сидящие с криком перед домом, особенно утром, – к худу* [БСП, 2009, с. 12]; *Ворон закаркал над головой – к беде* [Заянчковский, 2021]; *Если ворон сядет на крышу дома – то будет покойник* [Бурцев, 2010, с. 571]; *Если ворон пролетит над тобой три раза – отдавай концы* [Заянчковский, 2021].

В группе примет оппозиции «образ действия – погода»: *Кукушка кукует так, будто смеётся – к дождю* [БСП, 2009, с. 73]; *Кукушка регулярно кукует и поёт длинную песню – к тёплой погоде* [ССС, 2012, с. 158]; *Ворона ходит разинув рот – перед грозой* [БСП, 2009, с. 59]; *Куры россыпью ходят – к дождю* [ГМ, 2000, с. 168]; *Курица на одной ноге – к стуже* [Бурцев, 2010, с. 576]; *Курица запела петухом – не перед добром* [Иванова, 2005, с. 131]; *Петухи кричат попеременно с лягушками – к дождю* [БСП, 2009, с. 76] – актуализируется способ произведения действия употреблением наречий со значением образа действия (*регулярно, россыпью, петухом, попеременно*), предложно-падежных сочетаний (*на одной ноге*) и сравнительных конструкций (*будто смеётся*) того же значения.

В приметах из группы оппозиции «время – погода» временные отношения представлены словами временной семантики: наречиями времени (*рано, поздно, летом, зимой, днём, вечером, вовремя*), существительными, обозначающими время суток (*полдень*), прилагательными со значением времени (*ранний, поздний, летний*) и событийными именами собственными, в том числе именами собственными, номинирующими календарные дни (*Евдокия, Благовещение*): *Петух запел в ненастье – жди ясной погоды* [Иванова, 2005, с. 132]; *В летнюю пору петухи вдруг ни с того ни с сего начинают кукарекать среди белого дня, по всей деревне устраивая переключку, – будет дождь* [БСП, 2009, с. 68]; *Петух ночью поёт не вовремя – к ненастью* [Пермяков, 1970, с. 198]; *На эту Евдокию курочка водички напьётся, то год хороший будет* [РНК-ЭС, 2021, с. 129]; *Куры кукарекают днём – к дождю* [БСП, 2009, с. 74]; *Вороны купаются ранней весной – к теплу* [Пермяков, 1970, с. 191]; *На Филиппа вороны каркают – к оттепели* [РНК-ЭС, 2021, с. 461]; *Ворона купается весной и летом – к дождю* [БСП, 2009, с. 68]; *Благовещение (7 апреля) без ласточек – холодная весна* [БСП, 2009, с. 40].

Оппозиция «количество – погода» представлена наименьшим количеством примеров: *Вороны часто кричат – к дурной погоде* [БСП, 2009, с. 36]; *Куры носом колотят часто – к морозу* [ГМ, 2000, с. 168]. Количественные отношения эксплицированы с помощью употребления наречий со значением частотности (*часто*).

Согласно нашему исследованию самыми «популярными» птицами в исследованном материале при определении прогноза погоды являются *ворона, курица* и *кукушка*. По частотности прогноза погоды «на первое место» выходит *дождь* (41% общего количества примет), затем идёт *хорошая, ясная, тёплая погода (вёдро)* (13%), а потом *мороз* (6%).

2.2.4 Оппозитивный анализ суеверных примет с ключевыми словами – видовыми понятиями птиц в качестве субъективной доминанты [Analysis of bird-related superstitious omen oppositions with a kind of birds as a subjective dominant]

Во всех группах суеверных примет представлена оппозиция «локус – судьба», «действия – судьба», «образ действия – судьба» и «количество – судьба» (по 21,4% общего количества примет), затем по распространённости следует оппозиция «время – судьба» (14,4%). Оппозиция «пространство – судьба» в анализируемом материале не представлена.

В группе оппозиции «локус – судьба» значение места действия эксплицированы при употреблении предложно-падежных сочетаний с соответствующим значением (*во дворе, через двор, перед домом, на крыше дома, в дом, под крышей дома, над тобой, над головой, над коровой*): *Ворон купается во дворе – к несчастью* [БСП, 2009, с. 11]; *Ворон через двор летит – не к добру* [БСП, 2009, с. 11]; *Галки и вороны, сидящие с криком перед домом, особенно утром, – к худу* [БСП, 2009, с. 12]; *Ворон закаркал над головой – к беде* [Заянчковский, 2021]; *Если ворон сядет на крышу дома – то будет покойник* [Бурцев, 2010, с. 571]; *Если кукушка закукует на голый лист – будет год голодный* [БСП, 2009, с. 51]; *Кукушка кукует на сыром (зелёном) дереве – урожай будет хороший* [Иванова, 2005, с. 131]; *Ранняя кукушка (до опушки дерева) – к неурожаю*

[Иванова, 2005, с. 131]; *Кукушка летает по деревне – к пожару* [Иванова, 2005, с. 131]; *Ласточка стучится в окно – будет известие / к смерти* [Иванова, 2005, с. 129, 131]; *Ласточка залетела в дом – к покойнику* [Заянчковский, 2021]; *Если ласточка построит гнездо, а потом его покинет – это предвещает беду* [РҮ, 2021]; *Если ласточка пролетит над самым твоим плечом – это верная примета близкой смерти* [РҮ, 2021]; *Ласточка строит гнездо под твоей крышей – значит, удача придёт в твой дом* [РҮ, 2021].

В приметах, представляющих оппозицию «действия – судьба», как и в подобных погодных приметах, смысловой акцент перенесён на предикаты – глаголы «авторизирующего значения» [Кулькова, 2011, с. 150] (*каркать*), глаголы физического действия (*трясти*), глаголы собственно-возвратного (*искупаться*) и взаимно-возвратного значения (*собираться*): *Ворон каркает – к худу* [БСП, 2009, с. 11]; *Если ворон искупался (в прорубке. – М. Л.) – год тяжёлый будет* [РНК-ЭС, 2021, с. 220]; *Ворон в кучу собираются – к ненастью* [Бурцев, 2010, с. 558]; *Петух головой трясёт – к беде в доме* [ДП, 1989, с. 383]. В группе примет оппозиции «образ действия – судьба»: *Через который двор ворон перелетел каркая, там будет покойник* [ДП, 1989, с. 383]; *Кукушка натоцка кукует – не к добру* [Иванова, 2005, с. 131]; *Хором куры кудахчут – к семейной ссоре* [Иванова, 2005, с. 132]; *Курица запела петухом – к беде* [БСП, 2009, с. 13], *к покойнику* [СТРППМ, 2020, с. 478]; *к огню, к пожару* [Заянчковский, 2021] экспликаторами являются наречия способа и образа действия (*натоцка, хором, петухом*), а также необособленные одиночные деепричастия (*каркая*).

В приметах группы «количество – судьба»: *Если ворон пролетит над тобой три раза – отдавай концы* [Заянчковский, 2021]; *Сколько кукушка прокукует, столько лет будешь жить* [БСП, 2009, с. 80]; *Если наседка высиживает нечётное количество яиц – это принесёт несчастье дому и его обитателям* [БСП, 2009, с. 12] – актуальна семантическая доминанта единичность / множественность (*три раза, нечётное количество, большое количество*).

В группе оппозиции «время – судьба» временные отношения представлены словами временной семантики: сочетаниями местоимение + существительное, обозначающими время суток и продолжительность (*всю ночь*), прилагательными со значением времени (*ранний, первый*) и событийными именами собственными, в том числе антропонимами, номинирующими календарные дни (*Егорий*): *Ранняя кукушка до опушки дерева – к голоду* [БСП, 2009, с. 52]; *Кукушка до Егория – к неурожаю и падежу скота* [РНК-ЭС, 2021, с. 137]; *Ранние ласточки – к счастливому году* [ГМ-СС, 1995, с. 244]; *Петухи всю ночь поют – не к добру* [БСП, 2009, с. 15].

В группе оппозиции «пространство – судьба» в анализируемом материале приметы не отмечены.

Согласно нашему исследованию самыми «популярными» птицами в исследованном материале при предсказании судьбы являются *кукушка* и *ворон*. По частотности прогноза анализируемые суеверные приметы в своем большинстве прогнозируют *счастье / удачу / богатство* (24% общего количества примет), предсказывают *беду* (21,3%), *смерть* (17,3%), *несчастье / неудачу* (13,3%) и *голод / сытость* (9,3%).

2.2.5. Семиотический подход к исследованию примет как способ расшифровки орнитологического кода [Semantic approach to studying omens as a way to decipher ornithological code]

По мнению Д. В. Гудкова, объекты окружающего человека мира обретают знаковую функцию, так как имеют значение в рамках особой семиотической системы, которая называется культурным кодом. Этот код, по мнению учёного, подчас не упрощает, а усложняет мир, заставляя воспринимать его как магическую книгу, которую предстоит расшифровать, давая в то же время подсказки для подобной расшифровки [Гудков,

2005, с. 25–26]. Такие подсказки мы находим в тексте примет, и путём к расшифровке культурного кода, как показывает анализ материала, оказывается использование семиотического подхода и метода бинарных оппозиций.

Так, установлено, что оппозитивный анализ примет орнитологического кода позволяет выдвинуть некоторые предположения о специфике «воззрений народа на разные стороны его хозяйственной жизни, быта и деятельности и на те условия, среди которых народная жизнь протекает» [Ермолов, 2013, с. 7].

Например, приоритет оппозиций «локус – погода» и «время – погода» в группе погодных примет с ключевыми словами – названиями птиц можно объяснить спецификой русской традиционной культуры – по словам В. Я. Проппа, архаической культуры «сил», связанной со временем пробуждения сил земли, нужных земледельцу [Пропп, 1995, с. 108, 32]. Связь земли и того, что происходит под ней и над ней, всегда было важно для крестьянина. Локус (*земля*) тесно переплетался со временем в рамках календарных обрядов. Поэтому в качестве предварительного вывода проанализированный материал подтверждает наблюдения этнографов о том, что главную роль с точки зрения практики сельского хозяйства играют *год, пора, погода*, т. е. влиянию метеорологических факторов придаётся больше значения, чем трудам человека [Афанасьев, 1988, с. 19].

В погодных приметах с ключевым словом – названиями птиц представлена зависимость поведения птиц и времени его осуществления. Как отмечают исследователи, некоторые птицы в народном сознании прочно «закреплены» за определённым типом погоды. Так, показано, что носителями среднесрочного прогноза дождя, как правило, выступают такие птицы, как куры, ворона и воробей [Васильев, Васильева, 2013, с. 158]. Наш материал позволяет выделить важную роль такой домашней птицы, как курица, и такой дикой птицы, как ворона, в прогнозировании прежде всего дождливой погоды в отличие от засухи. Часть таких прогнозов имеет в виду именно весенний или летний дождь, который «дарует всем, кто им умывается, силы, здоровье, красоту и чадородие» [Афанасьев, 1988, с. 314–315].

Кроме того, прилёт птиц всегда олицетворял приход весны в сознании человека, хотя в этой зависимости, по мнению В. Я. Проппа, отмечено неверное представление о причинно-следственной связи. Учёный утверждает, что первобытный земледelec не до конца понимал закономерности смены времён года. В предотвращении бедствия, что зима будет длиться долго, люди пытались её призвать. А так как начало весны связывали с прилётом птиц, то полагали, что птицы приносят её с собой [Пропп, 1995, с. 41].

Распространённость оппозиции «действия – погода» в погодных приметах с ключевыми словами – названиями птиц, с нашей точки зрения, подтверждает факт возрастающего внимания человека к поведенческим чертам и совокупности устойчивых свойств в поведении представителя животного мира, т. е. к его характеру, который обнаружен Е. В. Болговой при исследовании зоонимов современного русского языка [Болгова, 2021, с. 159].

Разнообразие аспектов судьбы, которые отражены в суеверных приметах рассматриваемых групп (*счастье, несчастье, беда, богатство, сытость, урожай, неурожай, голод, смерть*), сводятся к противопоставлению доли / недоли, считающемуся одной из главных семиотических оппозиций в модели мира [Никитина, 1994, с. 132] и отражающему дуалистический взгляд славянских племен на явления природы [Афанасьев, 1988, с. 125].

Доминирование оппозиции «локус – погода / судьба» в погодных и суеверных приметах с ключевым словом – родовым названием птицы отчасти объясняется тем, что образ жизни птиц тесно связан с периодической сезонной сменой места их обитания [Гура, 1997, с. 529].

3. Заключение [Conclusion]

1. Анализ примет с ключевыми словами – названиями птиц показывает, что семиотический подход позволяет установить структуру смыслового содержания примет путём анализа оппозиций. За основу противопоставления берутся оппозиции, которые обозначают базовые логические установки, представленные в архаическом сознании, и базовые понятия погодных и суеверных примет: в левой части бинарной оппозиции это установки на локус, пространство, время, действие, образ действия, количество, а в правой части – погода и судьба.

2. Сопоставительный анализ оппозиций в приметах с родовым и видовыми понятиями (птица – конкретные птицы) показал преобладание / отсутствие той или иной логической категории в первой части приметы.

3. Для погодных примет с ключевыми словами – названиями птиц отмечено явное доминирование оппозиций «локус – погода» и «время – погода». Для суеверных примет с ключевыми словами – названиями птиц символическим считается и место действия (локус), и само действие и способ его осуществления, и количественный фактор, представляя дохристианское, мифологическое сознание. Для погодных и суеверных примет с ключевым словом – родовым названием птицы характерно доминирование оппозиции «локус – погода / судьба».

4. В группе проанализированных суеверных примет отмечено отсутствие оппозиции «пространство – судьба» в связи со спецификой понятия «судьба», которое в силу своего содержания не соотносится с представлением «вверх / вниз».

5. Значение экспликаторов бинарных оппозиций погодных и суеверных примет во всех типах совпадают: это значение образа и способа действия, времени, пространства, реализуемых в наречиях и предложно-падежных сочетаниях. Исключение составляет пара оппозиций «количество – погода» и «количество – судьба»: в первой оппозиции у экспликаторов актуализируется значение частотности, а во второй – единичности / множественности.

6. Действительность, моделируемая орнитологическим кодом русских примет, требует расшифровки, возможность для которой создаёт метод бинарных оппозиций. Анализ примет показал особую важность для сознания русского человека поведения птиц, связанного с образом их жизни и с сезонной сменой места их обитания, в прогнозировании конкретных проявлений погоды / непогоды и смене времен года, а также в предвидении будущего.

Библиографический список

- Агапова, 2012 – Агапова Н. А. Ключевое слово народной приметы в лингвокультурологическом аспекте // Язык и культура. 2012. № 2 (18). С. 5–14.
- Афанасьев, 1988 – Афанасьев А. Н. Живая вода и вещее слово. М. : Советская Россия, 1988. 512 с.
- Болгова, 2021 – Болгова Е. В. Зоонимы русского языка в современном речевом употреблении : семантико-прагматический подход : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Мурманский арктический гос. ун-т. Мурманск, 2021. 254 с.
- БСП, 2009 – Никитина Т. Г., Рогалева Е. И., Иванова Н. Н. Большой словарь примет. М. : АСТ ; Астрель, 2009. 687 с.
- Бурцев, 2010 – Бурцев А. Е. Народный быт великого севера. Его нравы, обычаи, предания, предсказания, предрассудки, притчи, пословица, присловья, прибаутки, перегудки, припевы, сказки, присказки, песни, скороговорки, загадки, счеты, задачи, заговоры и заклинания. М. : МООО «Экологический союз Подмосковья», ИЦ «Слава!», 2010. 624 с.
- Быкова, 2005 – Быкова О. И. Этноконнотация как вид культурной коннотации (на материале номинативных единиц немецкого языка) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 ; Воронежский гос. ун-т. Воронеж, 2005. 396 с.

- Ваганова, 2013 – Ваганова Е. Н. Фольклор мордвы-мокши: к проблеме бытования народных примет // Финно-угорский мир. 2013. № 3. С. 58–66.
- Вагнер, 2008 – Вагнер К. Р. Семантика и синтаксис русских народных примет с компонентом «зооним» (в зеркале английских примет): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01; 10.02.20; Татарский гос. гум.-пед. ун-т. Казань, 2008. 246 с.
- Васильев, Васильева, 2013 – Васильев В. П., Васильева Э. В. Примета как культурно-ассоциативный слот метеонимического концепта // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 10 / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. Благовещенск : АмГУ, 2013. С. 152–160.
- ГМ, 2000 – Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Энциклопедия русских примет. Нижний Новгород : «Русский купец», «Братя славяне», 2000. 356 с.
- ГМ-СС, 1995 – Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Нижний Новгород : «Русский купец» и «Братя славяне», 1995. 560 с.
- Гудков, 2005 – Гудков Д. Б. Коды русской культуры : проблемы описания // Мир русского слова. 2005. № 1–2. С. 25–31.
- Гукетлова, 2009 – Гукетлова Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале разноструктурных языков: французского, кабардино-черкесского и русского языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02; 10.02.20; Институт языкознания РАН. М., 2009. 47 с.
- Гура, 1997 – Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик, 1997. 912 с.
- Гуревич, Изотова, 2018 – Гуревич Т. М., Изотова Н. Н. Специфика зоологического кода японской культуры // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8. № 2 А. С. 28–36.
- ДП, 1989 – Пословицы русского народа : сб. В. Даля. В 2-х т. Т. 2. М. : Художественная литература, 1989. 447 с.
- Евстафьева, Цветкова, 2019 – Евстафьева М. А., Цветкова А. А. Семантические инварианты пророческих сновидений и народных примет // Вестник Балтийского фед. ун-та им. И. Канта. Сер. : Филология, педагогика, психология. 2019. № 3. С. 55–64.
- Ермолов, 2013 – Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорах и приметах. М. : Институт русской цивилизации, 2013. 880 с.
- Заянчковский, 2021 – Заянчковский И. Ф. Животные, приметы и предрассудки. URL : Royallib.com (дата обращения : 14.12.2021).
- Иванова, 2005 – Иванова Н. Н. Структурно-семантические особенности и лингвокультурологический потенциал приметы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01; Псковский гос. пед. ун-т им. С. М. Кирова. Псков, 2005. 274 с.
- Иванилов, 2006 – Иванилов В. М. Ассоциативный потенциал слова как основа толкования сновидений : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01; Уральский гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2006. 24 с.
- Иванов, Топоров, 1965 – Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М. : Наука, 1965. 246 с.
- Красных, 2016 – Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. М. : Гнозис, 2016. 496 с.
- Кулькова, 2011 – Кулькова М. А. Когнитивно-смысловое пространство народной приметы : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01; 10.02.20; Татарский гос. гум.-пед. ун-т. Казань, 2011. 410 с.
- Кутьева, 2009 – Кутьева М. В. Национально-культурная специфика переносных значений орнитонимов в русском и испанском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20; Российский ун-т дружбы народов. М., 2009. 23 с.
- Никитина, 1994 – Никитина С. Е. Концепт судьбы в русском народном сознании (на материале устно-поэтических текстов) // Понятие судьбы в контексте разных культур / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Наука, 1994. С. 130–136.
- Никитина, 1999 – Никитина А. В. Образ-символ в традиционной народной культуре: русско-славянские взаимосвязи на материале фольклора о кукушке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09; Ин-т русской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 1999. 19 с.

- Пермяков, 1970 – Пермяков Л. Г. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М. : Наука, 1970. 240 с.
- Пермяков, 1975 – Пермяков Л. Г. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору : сб. статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895–1970). М. : Наука, 1975. С. 247–274.
- Пермяков, 1988 – Пермяков Л. Г. Основы структурной паремиологии. М. : Наука, 1988. 236 с.
- Пропп, 1995 – Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования). СПб. : Терра – Азбука, 1995. 176 с.
- ПЧК, 1993 – Прошина Л. Черный кот и разбитое зеркало. М. : Отечество, 1993. 48 с.
- РНК-ЭС, 2021 – Моргунова О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь. М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2021. 544 с.
- Ройтер, 1994 – Ройтер Т. Суеверные представления о судьбе: русские приметы в сознании современного городского жителя // Понятие судьбы в контексте разных культур / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Наука, 1994. С. 187–190.
- Садова, 2004 – Садова Т. С. Народная примета как текст и проблемы лингвистики фольклорного текста : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб., 2004. 376 с.
- Садова, 2012 – Садова Т. С. Народная примета о традиционных ценностях // Русский язык в школе. 2012. № 3. С. 78–81.
- ССС, 2012 – Свиридов С. Словарь славянских символов. М. : Велигор, 2012. 235 с.
- Страусов и др., 2018 – Страусов В. Н., Страусова С. К., Фролова А. В. Семантико-функциональные классы примет с бинарной оппозицией «часть-целое» // *Juvenis Scientia*. 2018. № 7. С. 14–17.
- Страусов и др., 2020 – Страусов В. Н., Страусова С. К., Заврумов З. А., Акопянц А. М. Основы структурно-семиотического анализа народных примет. Казань : Бук, 2020. 170 с.
- СТРППМ, 2020 – Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 736 с.
- Телия, 1996 – Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
- Тонкова, 2007 – Тонкова Е. Е. Народная примета с позиций лингвокогнитивистики и лингвокультуры : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Белгородский гос. ун-т. Белгород, 2007. 189 с.
- Туганова, 2006 – Туганова С. В. Синтагматика и парадигматика русских и английских суеверных примет антропологической направленности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 ; Татарский гос. гум.-пед. ун-т. Казань, 2006. 24 с.
- Фаттахова, 2002 – Фаттахова Н. Н. Семантика и синтаксис народных примет в русском и татарском языках: сопоставительный аспект : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 ; 10.02.01 ; Казанский гос. пед. ун-т. Казань, 2002. 401 с.
- Фидарова, 2001 – Фидарова Ф. Т. Логико-дискурсивная структура текстов фольклорного жанра примет и поверий (на материале французских и русских примет) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2001. 150 с.
- ФЭС, 1983 – Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М. : Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
- Харченко, Тонкова, 2008 – Харченко В. К., Тонкова Е. Е. Лингвистика народной приметы. Белгород : Изд-во ОАО «Белгородская областная типография», 2008. 224 с.
- Хо, 2021 – Хо С. Орнитологический код культуры в русских паремиях, отражающих брачные отношения: лингвокультурологический аспект (на фоне китайского языка) // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Филологические науки. 2021. № 6 (159). С. 133–141.
- Христофорова, 1998 а – Христофорова О. Б. К вопросу о структуре приметы // *Arbor mundi*. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. 1998. № 6. С. 30–47.
- Христофорова, 1998 б – Христофорова О. Б. Логика толкований: Фольклор и моделирование поведения в архаических культурах М. : Российский гос. гум. ун-т, 1998. 80 с.
- Цивьян, 1990 – Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М. : Наука, 1990. 207 с.
- РУ, 2021 – URL : <http://primeta.yaxu.ru/> (дата обращения : 14.12.2021)

References

- Agapova, N. A. (2012). Klyuchevoe slovo narodnoy primety v lingvokul'turologicheskom aspekte [A key word of a folk sign: position, properties, specification]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2 (18), 5–14. (In Russ.).
- Afanas'ev, A. N. (1988). *Zhivaya voda i veshchee slovo* [Living water and a prophetic word]. Moscow : Sovetskaya Rossiya Press. (In Russ.).
- Bolgova, E. V. (2021). *Zoonimy russkogo yazyka v sovremennom rechevom upotreblenii: semantiko-pragmaticheskiy podkhod* [Zoonyms of the Russian language in modern speech use: a semantic-pragmatic approach]. PhD in Philological sci. diss. Murmansk : Murmansk Arctic State University. (In Russ.).
- Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I., Ivanova, N. N. (2009). *Bol'shoy slovar' primet* [A large dictionary of Omens] (BSP). Moscow : AST Press ; Astrel' Press. (In Russ.).
- Burtsev, A. E. (2010). *Narodnyy byt velikogo severa. Ego nrayy, obychai, predniya, predskazaniya, predrassudki, pritchi, posloviitsa, prislov'ya, pribautki, peregudki, pripevy, skazki, priskazki, pesni, skorogovorki, zagadki, schety, zadachi, zagovory i zaklinaniya* [Folk life of the Great North. Morals, customs, predictions, prejudices, parables, proverbs, jokes, rhymes, refrains, fairy tales, sayings, songs, tongue twisters, riddles, abacus, tasks, conspiracies and spells]. Moscow : “Ekologicheskiy soyuz Podmoskov'ya” Press ; “Slava!” Press. (In Russ.).
- Bykova, O. I. (2005). *Etnokonnotatsiya kak vid kul'turnoy konnotatsii (na materiale nominativnykh edinits nemetskogo yazyka)* [Ethnoconnotation as a kind of cultural connotation (Based on the nominative units of the German language)]. PhD in Philological sci. diss. Voronezh : Voronezh State University. (In Russ.).
- Vaganova, E. N. (2013). Fol'klor mordvy-mokshi: k probleme bytovaniya narodnykh primet [Folklore of Moksha Mordovians: The existence of folk tokens]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric world], 3, 58–66.
- Vagner, K. R. (2008). *Semantika i sintaksis russkikh narodnykh primet s komponentom «zoonim» (v zerkale angliyskikh primet)* [Semantics and syntax of Russian folk signs with the zoonym component (In the mirror of English omens)]. PhD in Philological sci. diss. Kazan : Tatar State Humanitarian Pedagogical University. (In Russ.).
- Vasil'ev, V. P., Vasil'eva, E. V. (2013). Primeta kak kul'turno-assotsiativnyy slot meteonimicheskogo kontsepta [Omen as a cultural-associative slot of a meteonomic concept]. *Slovo: fol'klorno-dialektologicheskiy al'manakh* [Word: folklore-dialectological almanac], 10, 152–160. (In Russ.).
- Grushko, E. A., Medvedev, Yu. M. (2000). *Entsiklopediya russkikh primet* [Encyclopedia of Russian omens] (GM). Nizhny Novgorod : “Russkiy kupets” Press, “Brat'ya slavyane” Press. (In Russ.).
- Grushko, E. A., Medvedev, Yu. M. (1995). *Slovar' russkikh sueveriy, zaklinaniy, primet i poveriy* [Dictionary of Russian superstitions, spells, omens and beliefs] (GM-SS). Nizhny Novgorod : “Russkiy kupets” Press, “Brat'ya slavyane” Press. (In Russ.).
- Gudkov, D. B. (2005). Kody russkoy kul'tury: problemy opisaniya [Russian culture codes: Problems of description]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], 1–2, 25–31. (In Russ.).
- Guketlova, F. N. (2009). *Zoomorfnyy kod kul'tury v yazykovoy kartine mira (na materiale raznostrukturnykh yazykov: frantsuzskogo, kabardino-cherkesskogo i russkogo yazykov)* [The zoomorphic culture code in the language picture of the world (Based on languages with different structures: French, Kabardino-Circassian and Russian)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Gura, A. V. (1997). *Simvolika zivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Symbolism of animals in the Slavic folk tradition]. Moscow : Indrik Press. (In Russ.).
- Gurevich, T. M., Izotova, N. N. (2008). Spetsifika zoologicheskogo koda yaponskoy kul'tury [Specifics of the zoological code of Japanese culture]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 8 (2A), 28–36. (In Russ.).
- Dahl, V. (1989). *Posloviitsy russkogo naroda: sbornik V. Dalya* [Proverbs of the Russian people: A collection of V. Dahl] (DP). Moscow : Khudozhestvennaya literatura Press. (In Russ.).
- Evstafyeva, M. A., Tsvetkova, A. A. (2019). Semanticheskie invarianty procheskikh snovideniy i narodnykh primet [Semantic invariants of prophetic dreams and folk signs]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Filologiya, pedagogika, psihologiya* [IKBFU's Vestnik. Philology, pedagogy, and psychology], 3, 55–64. (In Russ.).

- Ermolov, A. S. (2013). *Narodnaya sel'skokhozyajstvennaya mudrost' v poslovitsakh, pogovorkakh i primetakh* [Folk agricultural wisdom in proverbs, sayings and omens]. Moscow : Institut russkoy tsivilizatsii Press. (In Russ.).
- Zayanchkovskiy, I. F. (2021). *Zhivotnye, primety i predrassudki* [Animals, omens and prejudices]. Retrieved December 14, 2021 from <Royallib.com>. (In Russ.).
- Ivanova, N. N. (2005). *Strukturno-semanticheskie osobennosti i lingvokul'turologicheskiy potencial primety* [Structural and semantic features and linguistic and cultural potential of omens]. PhD in Philological sci. diss. Pskov : Pskov State Pedagogical University. (In Russ.).
- Ivanilov, V. M. (2006). *Assotsiativnyy potentsial slova kak osnova tolkovaniya snovideniy* [Associative potential of the word as the basis for the interpretation of dreams]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Yekaterinburg : Ural State Pedagogical University. (In Russ.).
- Ivanov, V. V., Toporov, V. N. (1965). *Slavyanskie yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy (Drevniy period)* [Slavic language modeling semiotic systems (Ancient period)]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Krasnyh, V. V. (2016). *Slovar' i grammatika lingvokul'tury. Osnovy psikholingvokul'turologii* [Dictionary and grammar of linguoculture. Fundamentals of psycholinguoculturology]. Moscow : Gnozis Press. (In Russ.).
- Kul'kova, M. A. (2011). *Kognitivno-smyslovoe prostranstvo narodnoy primety* [Cognitive-semantic space of folk signs]. PhD in Philological sci. diss. Kazan : Tatar State Humanitarian Pedagogical University. (In Russ.).
- Kutyeva, M. V. (2009). *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika perenosnykh znacheniy ornitonimov v russkom i ispanskom yazykakh* [National and cultural specificity of figurative meanings of ornithonyms in Russian and Spanish]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : RUDN University. (In Russ.).
- Nikitina, S. E. (1994). Kontsept sud'by v russkom narodnom soznanii (na materiale ustno-poeticheskikh tekstov) [The concept of fate in the Russian folk consciousness (Based on Oral Poetic Texts)]. In N. D. Arutyunova (Ed.), *Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The concept of fate in the context of different cultures] (pp. 130–136). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Nikitina, A. V. (1999). *Obraz-simvol v traditsionnoy narodnoy kulture: russko-slavyanskie vzaimosvyazi na materiale fol'klora o kukushke* [Image-symbol in traditional folk culture: Russian-Slavonic relationships in folklore about the cuckoo]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. St Petersburg : Institute of Russian Literature IRLI (Pushkin House), Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Permyakov, L. G. (1970). *Ot pogovorki do skazki (Zametki po obshchey teorii klishe)* [From saying to fairy tale (Notes on the general theory of cliches)]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Permyakov, L. G. (1975). K voprosu o strukture paremiologicheskogo fonda [About the structure of the paremiological fund]. *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru: sbornik statey pamyati Vladimira Yakovlevicha Proppa (1895–1970)* [Typological studies in folklore: A collection of articles in memory of Vladimir Yakovlevich Propp (1895–1970)] (pp. 247–274). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Permyakov, L. G. (1988). *Osnovy strukturnoy paremiologii* [Fundamentals of structural paremiology]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (1995). *Russkie agrarnye prazdniki: (Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya)* [Russian agrarian holidays: (Experience of historical and ethnographic research)]. St Petersburg : Terra – Azbuka Press. (In Russ.).
- Proshina, L. (1993). *Chernyy kot i razbitoe zerkalo* [Black cat and broken mirror] (PCHK). Moscow : Otechestvo Press. (In Russ.).
- Morgunova, O. V., Krivoshchapova, Yu. A., Osipova, K. V. (2021). *Russkiy narodnyy kalendar'. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Russian folk calendar. Ethnolinguistic Dictionary] (RNK-ES). Moscow : AST-PRESS SHKOLA. (In Russ.).
- Royter, T. (1994). Suevernye predstavleniya o sud'be: russkie primety v soznanii sovremennogo gorodskogo zhitelya [Superstitious ideas about fate: Russian omens in modern city dweller minds]. *Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The concept of fate in different cultures] (pp. 187–190). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Sadova, T. S. (2004). *Narodnaya primeta kak tekst i problemy lingvistiki fol'klornogo teksta* [Folk omen as a text and problems of linguistics of a folklore text]. PhD in Philological sci. diss. St Petersburg : St Petersburg State University. (In Russ.).

- Sadova, T. S. (2012). Narodnaya primeta o traditsionnykh tsennostyakh [Folk sign about traditional values]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], 3, 78–81. (In Russ.).
- Strausov, V. N., Strausova, S. K., Frolova, A. V. (2018). Semantiko-funktsional'nye klassy primet s binarnoy oppozitsiey «chast'-tseloe» [Semantic-functional classes of omens with the binary opposition “part : whole”]. *Juvenis Scientia*, 7, 14–17. (In Russ.).
- Strausov, V. N., Strausova, S. K., Zavrumov, Z. A., Akopyanc, A. M. (2020). *Osnovy strukturno-semioticheskogo analiza narodnykh primet* [Fundamentals of structural and semiotic analysis of omens]. Kazan : Buk Press. (In Russ.).
- Zimin, V. I. (2020). *Slovar'-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazheniy* [Dictionary-thesaurus of Russian proverbs, sayings and apt expressions] (STRPPM). Moscow : AST-PRESS SHKOLA. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury» Press. (In Russ.).
- Tonkova, E. E. (2007). *Narodnaya primeta s pozitsiy lingvokognitivistiki i lingvokul'turogii* [Folk sign from the standpoint of linguocognitive science and linguoculturolog]. PhD in Philological sci. diss. Belgorod : Belgorod State University. (In Russ.).
- Tuganova, S. V. (2006). *Sintagmatika i paradigmatika russkikh i angliyskikh suevernykh primet antropologicheskoy napravlenosti* [Syntagmatics and paradigmatics of Russian and English superstitious signs of anthropological nature]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Kazan : Tatar State Humanitarian Pedagogical University. (In Russ.).
- Fattahova, N. N. (2002). *Semantika i sintaksis narodnykh primet v russkom i tatarskom yazykakh: sopostavitel'nyy aspekt* [Semantics and syntax of folk signs in Russian and Tatar languages: A comparative aspect]. PhD in Philological sci. diss. Kazan : Kazan State Pedagogical University. (In Russ.).
- Fidarova, F. T. (2001). *Logiko-diskursivnaya struktura tekstov fol'klornogo zhanra primet i poveriy (na materiale frantsuzskikh i russkikh primet)* [Logical-discursive structure of texts of folklore genre of omens and beliefs (Based on French and Russian omens)]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Lomonosov Moscow State University. (In Russ.).
- Il'ichev, L. F., Fedoseev, P. N., Kovalev, S. M., Panov, V. G. (1983). *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary] (FES). Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).
- Kharchenko, V. K., Tonkova, E. E. (2008). *Lingvistika narodnoy primety* [Linguistics of folk signs]. Belgorod : Belgorodskaya oblastnaya Press. (In Russ.).
- Huo, X. (2021). Ornitologicheskiy kod kul'tury v russkikh paremiyakh, otrazhayushchikh brachnye otnosheniya: lingvokul'turologicheskiy aspekt (na fone kitayskogo yazyka) [Ornithological code of culture in the Russian proverbs reflecting the marital relations: Linguoculturological aspect (against the background of the Chinese language)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philology], 6, 133–141. (In Russ.).
- Khristoforova, O. B. (1998 a). K voprosu o strukture primety [To the question of the structure of omens]. *Arbor mundi*, 6, 30–47. (In Russ.).
- Khristoforova, O. B. (1998 b). Logika tolkovaniy: Fol'klor i modelirovanie povedeniya v arhaicheskikh kul'turakh [Logic of interpretations: Folklore and behavior modeling in archaic cultures]. Moscow : Russian State University for the Humanities Press. (In Russ.).
- Tsivyan, T. V. (1990). Lingvisticheskie osnovy balkanskoj modeli mira [Linguistic foundations of the Balkan model of the world]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- PY (2021). Retrieved December 14, 2021 from <<http://primeta.yaxy.ru/>>. (In Russ.).